

МЕРАЙЛИ

ДВИЖЕНИЕ

1978 ... 1985

© Мерайли, 1978–1985

© Иванов П. Б., верстка и оформление. 2011

© Ольга Романова, графика титульного листа. 2005

<http://unism.narod.ru/mer/index.htm>

<http://unism.pjwb.org/mer/index.htm>

<http://unism.pjwb.net/mer/index.htm>

© Допускается копирование текста в любой форме, целиком или частично, с любыми изменениями, включая перевод на другие языки, с любыми целями (в том числе коммерческими), при условии, что это не ограничивает свободы распространения данного оригинала.

* * *

Я у неба спросил: что будет потом? —
и услышал: «Небо.»
Я у моря спросил: что будет потом? —
ответили волны: «Море.»
Скалы мне говорили: «Останутся скалы.»
И только дорога молчала, будто не понимая, —
Или просто не знала ответа?

Но потом — наступило.
Умерло вечное небо.
Пески постепенно засыпали вечное море.
Черной пылью развеялись по ветру вечные скалы.
И вопросы мои исчезли вместе со мною.

А дорога осталась.
Все так же струится куда-то в мудром молчании.
И над нею — по-прежнему — переходящее небо.
И — как раньше — ее провожает смертное море.
И — как века назад — смотрят вслед нестойкие скалы.
И люди снова проходят по старым дорогам.

13 октября 1978

Агасфер

К резким граням плачущей осоки
Прикоснувшись тонкими лучами,
Дымчатое утро, как случайно,
Затерялось где-то на востоке.

Пыль веков, котомка за плечами,
Безнадежно лишние истоки.
Все — старо. И темных, и далеких
Провожают лучше, чем встречают.

Тают блики в розовом потоке,
Убегают вдаль, не замечая, —
Им, беспечным, не нужны пророки:

Склоны дней изрезаны ночами —
Только он, скиталец одинокий,
Все идет — чем дальше, тем печальней.

ноябрь 1982

* * *

Все начинается с желания.
Упавшая звезда
Перестает струить сияние
Не без следа.
Все начинается с желания.

Как удивительна Вселенная!
Десятки тысяч лет
Из поколения в поколение
Струится свет.
Как удивительна Вселенная.

Когда сменились декорации,
Подумалось о том,
Что надо жить и удивляться —
И мы живем.
Когда сменились декорации.

А вечерами звезды падают,
Русалочки глаза.
И все равно: приснилась радуга —
Или гроза.
А вечерами звезды падают.

И безграничность мироздания
Нельзя не полюбить.
Все начинается с желания,
Все может быть —
И безграничность мироздания.

июль 1984

Старинный вальс

За минутой минута —
как шелест дождя за окном.
Их уже не вернуть.
Тени мыслей — как будто
мерцание в небе ночном,
и никак не уснуть.
А следы на траве
исчезают к утру,
и покрыта росой
в золотистой листве
промелькнувшая грусть —
мой несбыточный сон.
Нескончаемый дождь
с неба смыл синеву,
обесцветил мечты...
Ты, наверное, ждешь,
когда я позову.
Ну а я — когда ты.

23 августа 1980

* * *

Маленькая деревянная лодочка
на высокой волне прибоя.
Кружится в медленном вальсе в паре с океаном —
такая маленькая с таким большим.
То приближаясь к берегу, то удаляясь,
то скрываясь под незаметно подкравшейся волною, —
тянет спичечные мачты к вечному солнцу,
словно хочет сказать: Мы на равных с ним!
Маленькая деревянная лодочка —
гордая, гордая, уверенная в себе.
А зеленые волны старика-океана
уже не обращают внимания.
Ему уже надоело переубеждать таких непокорных,
таких глупых, таких упрямых,
а обижаться — смешно. И океан
не сердится — он просто играет
маленькими деревянными лодочками,
песчинками, и просто щепками —
в старости часто хочется поиграть с детьми,
для которых мир всегда един,
хотя и бесконечен. Но за линией горизонта
все равно ничего нет. Тщетно
слабые детские глаза пытаются разглядеть
то, до чего еще предстоит дорасти.
Маленькая деревянная лодочка
на высокой волне океана.
То проваливается в бездну, то взлетает под самое небо —
и искренне верит,
что когда-нибудь вырвется в необъятный мир:
открывать дальние страны,
пролагать новые дороги среди беспокойно мерцающих звезд,
проникать в глубины материи...
Пусть.

17 июля 1978

Обрыв

Былого не зови, гляди вперед с вниманьем
И душу приготовь ко всяким испытаниям.

Ян Кохановский

На удивительной планете,
В воображаемой стране,
Я начинал себя вполне
Всерьез — как все на свете дети.

И с упоением играл
В волшебников — Добро и Чудо, —
Любил жирафа и верблюда,
А крокодила презирал.

И смело выбирал по росту,
Не различая дел и слов,
Не безмятежно, но светло
Ронял уверенную поступь.

А вдруг предложат: если дать
Возможность возвращаться в годы
Единства духа и природы? —
Отвечу сразу: Никогда!

Я слаб, я лгу, я штампов пленник —
И прелесть молодых проказ
Способен видеть лишь сейчас,
С вершины новых поколений.

Но только не бессмертие, нет!
Оцепенение — для трупа.
Что в прошлом? — Собственная глупость,
Ошибки суматошных лет...

Когда усталость подступает,
И память голову кружит,
Я знаю: завтра будет жизнь,
Не вечна слепота тупая.

Пройдут года, как боль в груди,
И никуда от них не деться...
Как хорошо: случилось детство —
И бесконечность впереди.

ноябрь 1984

Секстина-венюк

Болезнь, слепота, суета сомнений
опять грозят моему существу.
Но я не один. Пока живу —
со мной красота, мой добрый гений.
Бури не страшны, вперед
единственная тропа ведет.
Нет сил — штормами надежду рвут.
Нет возражений — давят.
Только — чу! — набатный звук
свободы вздымает ополчение.
Бесславно мечту осаждают
болезнь, слепота, суета сомнений!..
Холодная вежливость поколений,
опаснее хмельного клинка.
Память меня не переживет.
Пусть так. Не сломлена строка:
тому, кто коснулся прекрасной тени,
бури не страшны — вперед!
— Учиться мечтать, жить мечтая —
чего же еще? Наяву
только боль, — шепчет
волна. И едва уступаю
ветру — беды, одна другой крепче,
опять грозят моему существу.
Но я не один: пока живу,
сны превращаются в дни,
в дорогу зовут,
на поиски новых видений.
Знаю: пока они
со мной — красота мой добрый гений.
Может, когда и одиноко станет:
учиться мечтать, жить мечтая
нет сил — штормами надежду рвут

болезнь, слепота, суета сомнений,
холодная вежливость поколений...
Но я не один, пока живу!

июнь ... август 1984

Перевал

Все меняется. Да, все меняется.
Забывается и вспоминается.
То напишется, то стирается —
что любимо, что презирается,
в чем-то темное, в чем-то светлое,
где-то юное, где-то ветхое...
Терпеливо скучают истины,
незлобиво друг с другом лаются;
тротуары клубятся листьями,
в мокром облаке отражаются;
запах глаз, вертикали высветив,
тлеет свежестиранной радугой;
крыши крашены звездной патокой,
и бродяга волнует вывески...

Все мечтается, воображается —
не сбывается и сбывается,
то нахмурится, то погодится, —
что теряется, что находится,
в чем-то ясное, в чем-то смутное,
где-то старое, где-то юное...
Беспокойно дрожат эмоции,
друг сквозь друга вслепую мечутся;
под забором — рыжие порции
аппетитным дымком размечены;
грозы пряно звенят протоками,
понарошкиными турнирами, —
и часы, им аккомпанируя,
режут пальцы стальными строками.

февраль 1982

Тени

микропоэма

Свет — не для них.

Тьма — тоже.

Они — изворотливость и терпение.

Там,

куда взгляд пробиться не может,
царствуют тени.

Прячутся за заборами, за домами,
в кронах деревьев, в складах одежды,
закрываются от солнца облаками,
забываются в каждую щелку,
зарываются под каждый камень,
расплываются, теряют прежние
очертания
исчезают

и появляются снова,
вечные в своем движении:
тени зрячего и слепого,
говорящего и немого,
слышащего и глухого,
гениального и тупого —
это все те же тени.

А когда солнце засыпает в колыбели горизонта,
и ночь начинает очередной обход,
тени

из подвалов, из подворотен
выползают
на ночную охоту.

Хищные, ненасытные
и — равнодушные,
вкрадываются скрытно
в умы и души,
вплетаются в мысли, застилают глаза,

обволакивают серостью слабеющие желания —
и тают надежды
тихим укором умирающей лани,
и сердце с холодной вежливостью
отстукивает: занято, занято, занято...

Еще одна жертва.

Не было крови, азарта погони, звериного рыка.
Можно годами не признавать поражения,
бить кулаком по столу, а потом себя в грудь,
выбивать у кого-то там новое корыто,
тянуть благочестивую игру
в нечто

красивое и возвышенное...

Но где-то в глуби портфельных пуз тисненых
притаился — тише мыши! —
эдакий маленький тенёнок;
а из него — дайте только срок! —
даже при самой скудной пище
вымахает

здоровеннейшая

тенища,

ухмыляющаяся

во весь рост.

И после

сколько ни отбрасывай —

напрасно.

За каждым бегут тени,
сколько у кого было.

За каждым бегут тени,
не отставая ни на миг.

Липнут к ногам тени,
липнут к крыльям,
удерживая от поползновений
оставаться людьми.

Мелких грешков бремя,
мелочных счетов слизь,

вздорный характер времени,
    скупость бластной удачи —
 это опять тени
    откуда-то выползли,
 это пока тени —
    а дальше?
 Каждый, как может, светится —
    сколько за кем значитяся.
 Каждый, как может, светится —
    единственное спасение.
 Всяк за себя вертится,
    выкручивается и изворачивается,
 и — чтобы утешиться —
    считает чужие тени.
 Встанет на перекрестке
    такой вот
    остоленелый фонарь —
 и тянет бледные пальцы
    за спины случайных прохожих,
 злорадствует
    по поводу каждого пятна:
 — Это не ваша тень? А то похожа...
 Вспыхивают
    домов
    зеленые зрочки —
 абстрактное любопытство, не более, —
 а улица
    надевает темные очки:
 меня, мол, не колет...
 И тут
    с молчаливого согласия окрестных фонарей,
 демонстративно отворотивших рыла,
 тени
    вырываются
    из оказавшихся открытыми дверей
 и набрасываются
    на оторопевшее светило.
 И хоть рассияй себя в порошок,

бейся лучами о запятанный асфальт —
поздно:

наваливаются еще и еще
под блаженное урчание распаленных фар.

А кто-то
убоявшийся подобной участи
забьется в каморку, закроет двери, зашторит окна,
светит себе потихоньку, вполсвета,
и мучается:

а что как
это совсем не лучше?

А что как
это просто подло?

Но можно ли сделать других счастливыми,
слепя и обжигая

слишком свободным,

слишком светлым и праведным?

Что ж, тени и в самом деле довольно пугливы —

только уж очень болезненна правда,

а ночь так заманчива и тиха...

Но чу — небо над самыми дальними крышами
взорвалось

багровым и алым,

как рифма в царстве белоснежного стиха,

как варварство протуберанца,

вздымающегося все выше и выше,

теснящего первозданный мрак,

заполняющего до краев

время и пространство, —

самозабвенная игра

бликов и красок,

форм и движений,

смысла — и постижения,

бурлящая радость нового дня

по улицам — лавой,

факельным шествием,

сжигая
    ленивую
        серость
            камня,

тесня
теней
панический шелест,
плавя
неуверенность и смятение
в хохочущем пламени...

    Это рассвет.
    Видите, люди?
    Этого нет —
    но это будет.
    Не ждите подсказки,
    не бойтесь боли —
    срывайте маски,
    ломайте роли,
    творите сами
    живые темы:
    да станет пламя! —
    да сгинут тени!

... август 1981

* * *

Нить дороги — узелки на память,
Как километровые столбы...
Так случилось: в бесконечность падать,
Забывая быть — или не быть?

Нить дороги — лабиринт торосов,
Красный след по голубой канве.
Буквы, слоги, слово... Точек россыпь —
Рваных снов слепая круговерть...

Нить дороги — трудно, по крупнице,
Шаг за шагом, от звезды к звезде...
Надо верить: будет, совершится —
И неважно, что, когда и где.

1982

* * *

А вам временами не хочется
заметить, стирая мундиры,
что сумрачный страх одиночества
не прихоть издерганной лиры?

Слова, ароматы, видения...
Условный рефлекс — торопливо
в корзину смахнуть безыдейные
и слишком плакучие ивы.

Конечно, обиды нечаянны.
но кто-то по улочкам куцым
бредет, всесторонне облаянный,
не смея себе улыбнуться.

Потом, незаметно, безропотно,
нелепы, как спящие грифы,
из полупрозрачного шепота
рождаются мрачные рифмы:

местами недоотшлифованно,
порою кустарно и грубо —
и все же свободней, чем ломаный
казенный писательский рубль,

Странички, пропахшие ивами,
сумеют назвать, если надо,
фальшивые строки — фальшивыми,
и гада последнего — гадом;

и скажут, что жизнь — злая мачеха,
что знак ее — подлость и ложь. —
Но

где-то в гиперболах спрячется:
не так уж она безнадежна.

О эта доверчивость детская!
Легко ли, считая потери,
идя по бескрайним падениям,
кому-нибудь все-таки верить:

пусть даже заведомой сволочи,
пусть выпрут повадки ублюдки —
но рушить обидные полочки
и ждать, что откликнуться люди?

Так будут же чаши весенние —
на нервы позебранных клеток —
за признанных всеми негениев
и за одиноких поэтов!

Пусть только с годами, и с именем,
не станут спокойней и суше
их души — воздушно ранимые,
задумчиво светлые души.

август ... октябрь 1983

* * *

Который раз одно и то же!
Как это больно, что опять
Я прихожу — к тебе, и должен
Вновь возвращаться — от тебя!

Вновь за твоей улыбкой спрятан
Переворот в моей судьбе:
Чтобы мог я уходить — куда-то,
Но возвращаться — лишь к тебе.

апрель 1984

* * *

Сила мысли, великая сила...
В лабиринтах миров и планет
мысль — сжигает умы и светила,
мысль — пространство в спираль закрутила, —
нет покоя, спокойствия нет.
Только мысль — бытие полюбила.

И когда я возник на Земле,
лишь одно из ее воплощений,
мысль меня согревала во мгле,
через долгие тысячи лет
удивительнейших превращений,
алым пятнышком в серой золе.

Здравствуй, добрая фея дороги!
Тесной стала мне звезд колыбель.
Ты была мне учителем строгим —
и теперь, когда люди как боги,
все равно посвящаю тебе
и надежды свои, и тревоги.

декабрь 1984

Отшельник

Не многословия боюсь,
Не блеклой дымчатости фраз —
Боюсь, что обесценит грусть
Еще не начатый рассказ.

Но гибельнее для меня,
В угоду правилам игры,
Большую радость разменять
На мимолетность мишуры.

И потому от злобы дней
Свободен я — и не могу
Покинуть хижину своей
На одиноком берегу:

Под зыбью масок штормовых,
В пучине траурных одежд
Горят жемчужины живых,
Хоть и не сбывшихся надежд.

август 1983

* * *

Улыбнись на прощание, рукой помаши на прощание.
До свидания. Ну, хватит! Удачи — и новых путей.
Что поделаешь, милая, наша судьба — расставание,
Забывание случайных открытий и светлых потерь.

Не печалься, не надо. Все было так просто и дивно.
Будто легкая осень коснулась багряной росой.
Ты же знаешь, ты помнишь, как это необходимо,
Чтобы слепая богиня крутила свое колесо,
Чтобы нити не рвались, и в ладной, уютной светлице
Трое вечных невест от досады не хмурили бровь —
И тогда в оперении заново сотканной птицы
Станет пепел наш, может быть, самым красивым пером.

Улыбнись на прощание, рукой помаши на прощание,
Отвернись и забудь, потеряйся среди лиц и вещей.
До свидания, любимая. Только не будет свидания —
Расставания будут, и легкая осень в багряном плаще.

декабрь 1982

Счастье

[Приглушенно, сложный ритм тамтамов.
На его фоне:]

Где-то в далекой Африке,
На водопаде Виктория,
Бывает лунная радуга.

Парковая саванна,
Зебры и носороги —
Много красивых слов.

Голос танцующей радуги —
Путник, слыша песню,
Знает: это Сеонго.

[Резкий и четкий ритм.]

Я не бывал в Африке,
На водопаде Виктория.
Я не видал радуги
Ночью, при свете луны.

Созданы мы нагими.
С первых шагов пробую
Мир украшать словами —
Думать всегда трудно.

Я — человек, странник.
Путь мой — моя вечность.
Призрачно одиночество,
Робок страх темноты.

[Тамтамы уходят.]

Где-то в далекой галактике,
На водопаде времени,
Мерцает звездная радуга.

август 1983

* * *

Черно-белое детство: лиственницы и снег.
 Три дороги, похожие на иероглиф «ню».
 Кто-то скажет: такого времени нет.
 Все изменилось, забыло мелодию давнюю.
 Да, изменилось. Где-то пройдут дома,
 Чудные тени перекатами лягут —
 Только здесь, во мне, волнуется Колыма,
 С ее небом, похожим на белку-летягу, —
 Пахнет жимолостью, кедровой смолой,
 Врывается брехом вольной псарни...

Черно-белая лента, укромный уголок:
 Двадцать четыре кадра в секунду — догони!
 Кто-то скажет: подумай! — или: не надо.
 Глупо верить, что прошлое станет снова.
 Да, глупо. Тают пернатые радуги,
 Превращая волшебный сад в обыкновенное окно.
 Только здесь, во мне, не просто след,
 мертвая голограмма, минутный курьез...
 Живет каждый шаг — и взрослеет,
 Самостоятельно и всерьез.

Черно-белый рисунок: прежде чем вращать
 Тысячи нитей в настоящее, большое полотно,
 Набрасываю углем силуэт будущей повести
 Поверх переплетающихся основ.
 Если внимательно присмотреться, можно заметить:
 Иероглиф «ню» проступает сквозь летописи.

август 1983

Заброшенный маяк

В былые времена,
Давным-давно, —
Помнишь? — плывет луна
В небе ночном,

И дальний свет звезды,
Огней струя,
И нет ни «я», ни «ты» —
Но: «ты и я».

Прикосновение губ,
Полынный сон
На диком берегу
Ветров и волн —

И камень не остыл,
И устоял...
Но ты уже не ты,
А я — не я.

ноябрь 1984

Движение
микропоэма

Здравствуйте! Как дела?
Спешите?
Я тоже:
жизнь на бегу, жизнь в бегах...
Нам по пути?
Тогда... можно?
К сожалению, только в стихах.
Но Вы ведь все поймете, да?
На своей, что называется, шкуре.
Я по натуре
совсем не мечтатель,
но иногда...
Знаете, мне вот иной раз такое
чудится... —
Только не смейтесь, прошу Вас! —
Будто Время —
оно совсем как люди,
не отличишь подчас.
Время умеет стоять — и ходить, —
и бегать умеет: попробуй, догони! —
может научить — и проучить,
пощадить — или изменить;
может сжиматься, как в автобусе,
или мнетя и тянется — когда нечего сказать.
Время импульсивно: ни один предсказатель
не угадает и минуты — а уж чтобы все...
Что же, у каждого свои
странности.
А Время — то вкалывает на кого-то,
то играет против.
Время заговаривает раны —
и убивает,

как люди,
невзначай.
Знаете,
как иногда секунды кричат?
Болью спрессованные лица.
И — муки рождения.
Неизвестность.
Девочка — мальчик?
Добро — зло?
Любовь — или только вожделение?
Истина — или игра слов?
И кроме того
время рождает Движение.
Движение рождает вопросы.
А вопросы не ходят поодиночке —
табунами кочуют
в пампасах тем.
Но
среди всех прочих
главные — два:
что?
и
зачем?
И я,
корчась в припадках буден,
трачу
время
и слова,
трачу душу —
и еще какое-то непонятное нечто — или ничто? —
роюсь в груди
мыслей и мыслишек,
распутываю
сновидений моток,
от усталости
не падая едва,
но верю:
это муки искупления

за смерть бесчисленных
мгновений,
убитых по моей вине.

Точки.
Линии.
Поверхности.
Объемы.
Вырастаю,
                        растаю в гиперпространство.
Я — почти Вселенная:
дышу,
                взрываюсь,
источен
пеной
топологий
                в бездне
                        очарования и странности.

Но все начиналось с точки.

Я — точка.
                Спрессованное воедино
                Бытие и Сознание,
                Возможность и Действительность,
                Величие и Нищета —
                вне размеров и размерностей,
                вне Времени и Пространства.

Но Движение делает меня линией.

Я — линия.
                Бесконечность точек,
                их прошлое и будущее,
                их настоящее —
                невидимый след их судьбы,
                неспособный нести даже свет.

Но Движение превращает меня в поверхность.

Я — поверхность.
                Бесконечность линий,
                прогибаюсь упруго
                под ветрами непонятых

далее,

а сквозь старые дыры
просвечивают звезды.

Движение придает мне объем.

Я — тело.

И во мне
бесконечность,
осязаемость плоти —
совершенно реальной,
но безжизненной
и одинокой.

Только Движение может вдохнуть в меня жизнь.

Я — жизнь.

Бесконечность понятий — и ощущений,
животный талант — и машинный разум,
нечеловеческая доброта — и человеческая жестокость,
обнаженная красота — и тайная подлость,
бессмысленность — и необходимость,
рождение — и смерть.

Трудно поверить,

что все это — я,

точка.

Он
был
распят.
Тихий философ со взглядом ребенка.
В мелочных распрях
его окружавших подонков,
в лязге мечей

и оков,

он видел — и верил:
спасение —

это покой.

Он говорил:

мы все не вечны, —

и был прав. —

Хлеб, и вино, и любимая женщина —

и покой —
 одно и то же?
 Созерцание постоянства?
 Нет!
 Все — изменение.
 А философия постояльства —
 от нетерпения,
 от неудач,
                     от препятствий,
 от лжи,
 против банальной фразы:
 такова жизнь... —
 против
 остановившегося
 Сейчас.
 Срок
 короткий,
 как дорога на плаху.
 В Гефсиманских садах
   снова
 ловят — и плачут,
 словно
 на самом деле
   верят
 в невосполнимость потери.
 Но все не так...

Дальше? Куда? И как?
 В эти шторма и скалы?!
 Трезвому лезть в капкан?!!
 Бунт! — взорвалась команда.
 Стой! — осадил капитан.
 И взгромоздив
   себя
 над склизкой,
   соленой палубой,
 он проорал:
   Ребя!

Сворачивай к черту жалобы!
Нам ли к лицу роптать,
что впереди неизвестность?
Да это ж,

        так вашу мать,
самое интересное!
Кто из вас не дурак —
и без меня

        рассудит:
главное — будет
                не так.
А лучше уж верно будет.

В душу
        вгрызется
                червь
желания самооаций —
и вечный вопрос: зачем? —
то есть, стоит ли надрываться?
Пусть не во имя покоя
встать над собой

                крестом.
Но что же тогда такое —
ради чего идем,
ради чего страдаем,
любим ради чего? —
В развалинах ожиданий
вой

        сумасшедшим
                волком.
Но Время — как чувство долга —
рвет
сети сомнений

                в клочья,
взвилось
        над душой,
                как плеть:
жить — чтобы жить.

И точка.
Остановился — смерть.
Хочется, чтобы лучше?
Не знаешь, как поступить?
Хватит
    маразмом мучиться!
Надо всего лишь
    жить.
Надо спешить — и падать,
надо бежать,
    лететь,
путаться в суете
и рваться к свободе —
    надо!

И не бояться лезть
в самое
    пекло
    горя:
если история
    есть,
лучше — закон
    истории.
Пусть все наперекосяк,
и путь
    изуверски
    труден.
Главное —
    будет не так.
А значит — и лучше
    будет.

апрель ... июль 1980

Женщины

Волны, на берег отлогий взбегая,
легкою пеной
пали, как складки тонких египетских тканей,
стройное тело богини
прятать не смея.

Ласки прекрасной Елены — награда
юному принцу:
теплые губы пахнут ветвями оливы,
магия ночи сплетает
дерзкие пальцы.

Пленная нимфа в походной палатке —
спорят герои,
кто благороднее родом и доблестью выше,
кто на рабыне развяжет
девичий пояс.

Долгие черные годы, смятение
стен Илиона —
грубое платье, будто предел ожиданий,
траурный камень над прахом
мертвого мужа.

Так прорицание гласит: повторяется,
снова и снова,
волны и солнце — гроты античных мелодий,
тысячи дивных обличий
вещей Кассандры.

март 1984

Облака

Этот образ манящий
плывет в голубой вышине,
словно жизнь в настоящей,
хотя и свободной стране,

где под синие своды,
огромные звезды, слились
голоса пешеходов
на улицах странных столиц.

Отдаленное эхо:
прибоя алмазная пыль
у краев ойкумены
шлифует немые столбы.

Ну и что, коль живые
забыли! — а чаша полна,
и, как будто впервые,
бредет по асфальту весна,

и спокойны вершины:
назло прорицаниям камней
все уже совершилось,
но это еще не конец,

не окончена повесть —
о том, как плывет в голубой вышине
этот образ свободы...

май 1984

Кошка

Нежная изменница с губительной улыбкой,
томное животное джунглей,
чисто случайно
забытое в теплой квартире,
в мягком кресле
перед камином —
там, где уют
подчеркнут
переменчивыми контрастами,
капризами
пламенных теней загадочной темноты
на пыльных безделушках, —
ты,
расслабленная молния,
дремлющая в бархатистом прикосновении,
принимающая неторопливую ласку
со сдержанной благодарностью,
без откровенности и обязательств,
уверенно и осторожно —
острые когти
спрятаны в подушечках лап,
иногда,
как бы невзначай,
напоминая портьерной ткани
о точных манерах, —
как ты приятна и холодна,
как совершенна
в гладкости линий великолепного тела,
маленькая и беззащитная,
непостижимая,
словно кисть Леонардо, —
пока обида или желание
скрыты пологом странствий —

но,
если время, —
прыжок! —
и горе обманутой жертве
мести и любви.

ноябрь 1984

* * *

Не жалейте меня.	<i>piano</i>
Я во всем виноват.	
Промотал, что имел.	
Не найду ничего.	
Незаметная ночь.	
Это пошло — страдать!	<i>p.</i>
И друзья как враги.	<i>a p.</i>
Ненавидеть себя?	<i>crescendo</i>
Не изменится мир.	
Кто-то должен уйти.	
Наплевать остальным.	
Все стремятся дожить.	
Я не знаю, зачем.	
Мы бежим по телам.	
Позабыт, кто упал.	
Не понять никому.	
Недоверия страх.	
А в словах — пустота.	
Что случится еще?	
Перегнившая нить.	
И не стонут внизу.	<i>abrupto</i>
Я уверен в одном.	<i>piano</i>
Здесь бессмысленно ждать.	
Этот мир не обман.	
Где-то плачет струна.	
Бесконечность дорог.	
Независимость дня.	
Все уже впереди.	
Пережитое — сон.	
Проиграл? Ну и что!	<i>sempre crescendo</i>
Все равно не уйду.	
Пусть безумствует рок.	
А любовь — словно тень.	

Я еще не упал.
Не жалейте меня.
Никогда...

18 февраля 1978

* * *

На гребне банальных бессонниц,
 Сквозь каменный лабиринт,
 Хочу ощутить невесомость
 Росинки на струнах зари:
 Когда по ладони шершаво
 Проводит лучами рассвет,
 И гладит алмазные травы
 В заоблачной синеве,
 Когда шелковистые ветры
 Навстречу заветного дня
 Пылинкою незаметной
 Кружат и уносят меня...
 И милая сердцу тревога,
 Ликующее крыло:
 Дорога, дорога, дорога! —
 Прекрасно и тяжело —
 Туда, где по свету бродит,
 Святые дела вершит,
 Великое чудо природы
 И добрая правда души.

май 1985

Навсегда

Для тебя я только «милый»,
И любовь моя бескрыла,
Но, кого бы ты ни любила, —
Слышишь? — я тебя жду.

Пусть без ласки и участия —
Ты судьба моя и счастье.
И в тревогу, и в ненастье —
Слышишь? — я тебя жду.

Говорят: проходят годы,
Забываются невзгоды...
Я иду против природы —
Слышишь? — я тебя жду.

Не могу любить другую,
По тебе одной тоскую.
Эту жизнь, и жизнь любую —
Слышишь? — я тебя жду.

Близко ты или далеко,
Без надежды, без упрёка,
Так светло и одиноко —
Слышишь? — я тебя жду.

А пока есть ожидание,
Невозможны расставания.
И сбываются желания.
Слышишь? — я тебя жду.

апрель ... июнь 1985

Качество

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон...

Когда приходит вдохновения
возвышенный и гордый час,
я неподвластен суетливой лени — я
превзошел себя и вас:
мой голос тверд, строка моя точна;
во мне — свобода высшей силы;
и цепенеет кровь, и стыннут жилы —
и прорицают письмена.

Но вдруг
недвижимо перо —
сутулой сутолокой ночи
вытопанная бессмыслица дорог
по зарослям одиночеств.
Я
съеден
лабиринтом жизни.
Я — ничтожнее,
чем синхрофазотрон.

Тщетно
будильник
пытается вызвонить
распавшуюся связь времен.

Вы, зрители судьбы поэта!
Не торопитесь впасть в злорадный вой.
Поэт
всегда будет собой,
на злобу обывательским приметам.
Так надо — ссориться с богами.
Пока дрожит в груди священный гнев —

их каждый день сжигает
на жертвенном огне.

сентябрь 1984

Сонет Цурэна

Как лист увядший падает на душу
Кружится утомленная волнами
Осенняя судьба тень горизонта
И плачут паруса вздыхает ветер

Прощай земля рабов унылый берег
Под серым небом сгорбившийся в страхе
За собственную шкуру в петлях сайвы
Не помнит время птичьего полета

Чужие страны оказались ближе
Былой мечты запретные бутоны
Склоняются под тяжестью росы

Так путник ненароком обернется
И замечает как они жестоки
Слепые игры маленьких детей

сентябрь 1984

* * *

Мемуары надо уважать.
Надо память обо всем хранить,
Что могло бы в душах удержать
Времена связующую нить.

Но смогу ли, прошлым дорожа,
На архивный трепет заменить
Голос ветра, и полет стрижа,
И фиалок северных финифть?..

Нет, скучна мне суета следов:
На груди у музы черноокой
Забываюсь я — и может быть,

В бесконечных линиях судьбы,
Пробегают ласково по строкам
Звездные ладони городов.

март 1984

Средство

Когда стихи не пишутся,
не ищутся слова,
невозмутимо дышится,
на месте голова,
когда кричать не хочется
и обнимать прохожих,
когда соседка-склочница
на фею не похожа,
когда от пыли серы
колдобины дворов,
и трудно до Венеры
доехать на метро,
когда работа делается
по плану и погоде,
и пять на два не делится,
и все в таком же роде,
когда ночами спится,
а днем наоборот —
попробуйте влюбиться.
И как рукой — пройдет.

март 1983

* * *

Не говори мне: уходи —
Мы не останемся друзьями.
Слепым сомнением в груди,
Смятением светил над нами,
Непостижимыми губами
Не говори мне: уходи.

Все возвращается. Быть может,
В плену обид, или седин,
Прах, что тобою был низложен,
Твое желание возродит.
Не изменяйся — подожди.
Пусть это решено — и все же
Не говори мне: уходи...

январь 1984

Числа

Есть магия обычных слов,
Есть волшебство простых созвучий.
Быть может, первая любовь
Всегда возвышенной и лучше.

Она бежит искусных фраз,
Она легка и вдохновенна,
И ждет — еще немая сцена,
Когда партер уже погас.

И в этом сгустке тишины
Все можно предсказать заранее:
И свет луны, и блеск волны,
И трепет первого свидания...

октябрь 1986

* * *

Версификация проста,
Как математика, чиста,
Абстрактна до изнеможения —
Состроит всякий индивид,
Едва немного помудрит,
Вполне приличные на вид
Стихотворения.

Поэзия — само движение,
Как жизнь сложна: одно мгновение
Упустишь — век не наверстать.
И надо же было так случиться:
Ей невозможно научиться,
С поэзией нельзя родиться —
Поэтом надо становиться,
Поэтом невозможно стать.

1987

* * *

Влюбленный, не страдай напрасно!
Что толку в верности твоей?
Язык язычницы прекрасной —
Ни искреннее, ни добрей.

Ты можешь стать безумной тенью,
Порвать с друзьями и судьбой —
Она, подобно Провиденью,
Лишь посмеется над тобой.

Довольно! Удались от мира,
Будь просветлен и недвижим...
А коль не можешь без кумира,
Люби себя — и будь любим.

апрель 1985

Утопия

Если бы люди умели
радоваться мысли,
как дереву,
или траве,
как долгожданному небу
после слепых пещер,
как источнику
в песчаных пальцах пустыни,
как звездам —
рассказывающим
о дальних краях,
о разливах рек,
и о чьих-то глазах;
или
как горизонту,
которого нельзя достичь,
но который можно понять —
и раздвинуть;
или
как знакомой улыбке,
переливающейся
всеми оттенками
радуги удивлений:
от меланхоличности —
до детского восторга;
или,
наконец,
как желанной встрече
с деревьями и травой,
с небом и звездами,
с источниками,
с горизонтом и улыбкой,
с самим собой —

на заветной планете,
в бесконечности
звездных путей!

Если бы так
радовались люди —
войны
не стало бы
никогда.

сентябрь 1984

* * *

Войду в прохладную квартиру,
удостоверюсь: раньше не бывал...
Ну что ж. Обжита половина мира —
и вот еще один привал.

Слегка остыть от чемоданного экстаза,
привыкнуть к смыслу нового «домой» —
и можно продолжать себя рассказывать
под звуки королевского Рамо.

А там, глядишь, и сосуществование,
и банка с квасом киснет на окне,
и первый местный таракан размазан по стене,
и праздники в совсем иной компании...

Закладывает время виражи.
Но вот приходит горькая минута —
вдруг замечаю: я здесь старожил,
обросший неподвижностью уюта.

Нет, погодите ставить крест на мне!
Обыденность меня не укачала!
И я не прочь начать сначала...
Что говорите? Стар? Я вовсе не —

май 1982

* * *

Лаконичная холодность камня,
Пограничье венков и букетов...
Ветры гладят сухими руками
Золотистые локоны лета...
Дата слева, черта, дата справа —
Древнегреческий скрип колымаги...
А дорога — тепла и шершава,
Как язык у бездомной дворняги.

сентябрь 1982

Грани

1

Зябкие улицы трепетно зыбки.
В тени сгущается день.
Плавно плывут золотистые рыбки
В черной холодной воде.

Долгие звуки, запахи тают
Под одеялом планет.
Белых тропинок легенда простая —
Тайных шагов менуэт.

Кроткие парки — облако смеха —
Неторопливый уют...
В лунных дворах удивленное эхо
Ищет причину свою.

Бледные пятна, редкие лица,
Канут, качаясь, во тьму.
Тихо пройти, услышать, удивиться —
И не сказать никому.

2

Я твердо убежден
И знаю наперед:
Лишь тот, кто не рожден,
Вовеки не умрет.

Все правильно, когда
Вам, мне или ему
Уйдетя в никуда...
И все же — почему?

Наверное, нельзя
Нарушить пульса дрожь —
И невозможно взять
Больше, чем отдаешь.

А значит, если есть
Крутые рубежи, —
Стремительная весть:
Я буду долго жить.

3

Читайте стихи.
Теснятся на полках веков
Пергаменты схим
И желтый картон кабаков.

Любите мечтать.
Тревожно в спиральных лучах
На ломких листах
Далекое ваше сейчас.

Дарите слова.
Сверхново-заветную быль
Легко отдавать
В ладони знакомой судьбы.

Пусть ваша душа
Бескрайней июньской росой
Пройдет не спеша —
Обычна, как сказочный сон.

4

Нарисованный город за окном
Неожиданно ожил, зазвучал,
Облака рассыпая по плечам,
Сбросил с кранов ночное полотно.

Открываю глаза, смотрю, учусь:
Композиция — пластика — сюжет.
Чуткой кисти спокойный силуэт
С акватинтой шестых и прочих чувств.

Хлынуть в будни, с разбега, с головой,
Волны льдистые в брызги разбросав, —
Как взметает зеленые леса
Голубая Земля — мастеровой.

А навстречу — дороги все длинней,
Беспокойная радость памяти:
Тени, темы, тела. И по пути
Благородные камни добрых дней.

декабрь 1983 ... январь 1984

Ноктюрн для водосточной трубы

Ночь.
Благодатная свежесть.
В многочисленных башнях гаснут огни,
и по сонным квартирам
разбредаются
муравьи, мокрицы и тараканы.
Это природа.
Мыши в полях воруют зерно —
и считают, что заняты делом.
На них охотятся
кошки, хорьки и лисицы.
Последние также едят зайцев,
таскающих из огородов морковь.
А более крупные хищники
ждут добычи покрупнее —
и не брезгают даже человеком.

Ночь.
Время надежд и мечтаний.
Или просто тоски.
Это утром будут самоубийцы
и неврастеники.
А пока все спокойно.
Только падают листья —
или дождь —
или снег —
или что-то еще
обязательно падает.
Хотя бы даже мгновения.

Ночь.
Зал ожидания.
Блаженная тайна ненаступивших перемен.

Свобода и справедливость.
Ночь дарит кому-то сны,
а кому-то бессонницу.
Всякому свое.

Но любая ночь
должна когда-нибудь кончиться.

сентябрь 1990

Позиция

Не дай мне бог остановиться,
Стать частью пошлой суеты,
Всего достичь, всего добиться,
Сорвать последние цветы,
И на стареющем досуге,
Едва мерцающим лучом,
В кругу друзей, в плену супруги,
Спокойно мыслить ни о чем.
Я, как и все, хочу покоя,
Свободы от житейских бед...
Да только не любой ценою.
Смиранный сон — простите, нет!
Пусть мне успеть дано немного,
Но постараюсь, как смогу,
Не быть в угодниках у бога —
Или у времени в долгу.

сентябрь 1990

Вечность

У потухших костров	голубая зола,
Чтобы свет задержать	и тепло сохранить.
А по звездным путям	мы несем факела,
Словно сбыться хотим	и судьбу отменить.

Зыбкий берег надежд	далеко позади.
Нас несет по волнам,	в неожиданной тьме
Все течет наугад —	и коптит, и чадит
Ненадежный огонь	в лабиринте примет.

Но, сквозь скалы и мрак, через вздыбленный лед,	
Вместо павших седин — молодая струя.	
И случаются дни,	обнаженный полет
Упоеньем труда,	красотой бытия...

Почему же тогда	из отточенных дней
Вырастает не твердь	покоренных дорог,
А упрямая злость,	и вражда, и за ней
Суетливых обид	удивленный комок?

Почему не хотят —	или просто не ждут, —
Перепутав мечты	промысловую сеть?
Как приходят туда,	где тростинки минут
Ради чьей-то любви	не способны сгореть?

Я пытаюсь понять,	рассказать и найти,
Я сознательно рву	ариаднину нить:
Ведь когда лабиринт	невозможно пройти,
Значит, надо восстать —	и его изменить.

Потому что нельзя	бесконечно терпеть,
Потому что нельзя	терпеливо страдать:
Если песня была —	ее надо допеть,
Если свет не погас —	его стоит отдать.

Улыбайтесь, друзья!   Млечный путь за кормой.
Это наша тропа: беспокойна она
И не слишком тверда —   только в зыби крамол
Замечательна жизнь   и кому-то нужна.

И останутся нам,   вместо прошлых даров,
По косматым волнам,   по изменам судьбы,
Голубая зола   первобытных костров —
Или звезд факела,   верстовые столбы.

июнь 1984

* * *

Построю себе дом.
Четыре стены и крыша.
Дверь и окно.
Забуду, что было до.
Потом — все тише, тише,
глубже, мягче, спокойнее...
Но
это еще не все.

Построю себе ночь
внутри моего дома.
Звезды, луна...
Наполню ночь тишиной,
Потом — душисто, томно,
нежно — прикосновение сна.
Это еще не все.

Построю себе свет
во мраке моей ночи.
Свет и тепло.
Секунды, минуты — век.
Потом — стабильно, точно,
быстро — на световом табло.
Это еще не все.

Построю земную твердь
на грани ночи и света.

Воздвигну на тверди горы,
наполню водой океаны,
сотворю небо — и ветер,
и только после этого:
зверей, птиц, и прочую живность,

и, наконец, себя.
И назову себя
человеком.

Построю себе дом.
Четыре стены и крыша.
Дверь и окно.
Забуду, что было до.
Потом — все тише, тише,
глубже, мягче, спокойнее...
Но
это еще не все.

август 1981

СОДЕРЖАНИЕ

Я у неба спросил.....	3
Агасфер.....	4
Все начинается с желания.....	5
Старинный вальс.....	6
Маленькая деревянная лодочка.....	7
Обрыв.....	8
Секстина-венок.....	10
Перевал.....	12
Тени (микропоэма).....	13
Нить дороги.....	18
А вам временами не хочется.....	19
Который раз.....	21
Сила мысли, великая сила.....	22
Отшельник.....	23
Улыбнись на прощание.....	24
Счастье.....	25
Черно-белое детство.....	26
Заброшенный маяк.....	27
Движение (микропоэма).....	28
Женщины.....	36
Облака.....	37
Кошка.....	38
Не жалейте меня.....	40
На гребне банальных бессонниц.....	42
Навсегда.....	43
Качество.....	44
Сонет Цурэна.....	46
Мемуары надо уважать.....	47
Средство.....	48
Не говори мне: уходи.....	49
Числа.....	50
Версификация проста.....	51
Влюбленный, не страдай напрасно.....	52
Утопия.....	53

Войду в прохладную квартиру.....	55
Лаконичная холодность камня.....	56
Грани.....	57
Ноктюрн для водосточной трубы.....	61
Позиция.....	63
Вечность.....	64
Построю себе дом.....	66